

АРИНА АРСКАЯ

НЕДОТРОГА ДЛЯ
МЕРЗАВЦА

Арина Арская

Недотрога для мерзавца

<https://litres.ru/74294183>

Аннотация

— Сумма, признаться, большая, — Арсений улыбается с толикой нескрываемого превосходства. — И как ты планируешь расплатиться со мной, если я соглашусь тебе помочь? — Я готова написать расписку и... — у меня дрожат пальцы, и я сжимаю кулаки, чтобы скрыть от внимательного и цепкого взгляда свое волнение. — Я выплачу долг, не сразу, но... — Выплатишь, — с тихой надменностью смеется и подходит ко мне вплотную, заглядывая в глаза, — но не деньгами. Они меня не интересуют. Арсений наклоняется, и горячее дыхание обжигает ухо: — Ты ведь понимаешь о чем я, моя милая Венера? — его пальцы касаются шеи. — Я тебе деньги, ты мне свое тело. Честная сделка.

♥#ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	58
Глава 9	65
Глава 10	73
Глава 11	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1

Дашка подплывает ко мне с двумя хрустальными бокалами шампанского и заговорщически подмигивает:

— Не кисни.

Платье, вышитое золотым люрексом, обтягивает ее тело и подчеркивает не только большую грудь, что, кажется, вот-вот выскочит из глубокого декольте, но и складки на животе. Я хотела Дашке намекнуть, что она неудачно выбрала наряд для сегодняшнего мероприятия, но побоялась обидеть и испортить ей настроение, а она такая веселая пришла. Да и вряд ли у нее в сумке завалялось другое платье, чтобы она быстренько переделалась в уборной и не смущала коллег грудью и голыми ногами.

— Держи, — с улыбкой на ярко-красных губах протягивает один из бокалов мне, — шампусик просто улет.

Я не люблю корпоративы и большое скопление пьяных и восторженных людей. Мне всегда среди них некомфортно, и я бы предпочла сегодня вечером почитать книгу за чашкой ромашкового чая, а не ждать, когда веселье, которое только началось, подойдет к концу.

В прошлые разы я могла отвертеться от неформальных встреч, корпоративов и поездок под разными предлогами, но сегодня на меня насели и потребовали в строгом порядке явиться и не отрываться от коллектива. В общем, у меня

сегодня вечер вынужденного веселья, причина которого — наши риелторы побили новый рекорд в продажах.

Я, конечно, как один из маркетологов, тоже приложила руку к успешному успеху “Золотого метра”, ведь хорошие продажи напрямую зависят от продуманной рекламной кампании, но радости я не чувствую. Я-то сижу на окладе, а не на процентах, как наши риелторы, и зарплата моя никого не впечатлит.

— Молодец, что пришла, — Дашка чокается со мной, — тебе не помешает развеяться.

— Я зверски устала, — делаю глоток и отправляю в рот канапешку с кусочком сыра и зеленой оливкой. — Кто придумал корпоративы посреди недели?

— Известно кто, — Дашка встряхивает выбеленными кудрями и косит взгляд в сторону директора нашего агентства Арсения, который с белозубой улыбкой общается у одного из фуршетных столов с двумя топовыми риелторами, которые занимаются продажей только элитной недвижимостью.

Боссу нашему на днях стукнуло тридцать пять, и он из тот мужчин, которых называют красавчиками и вслед которым томно вздыхают женщины: высокий, статный и полон чувства собственного достоинства. Он бы на отлично справился с ролью героя-любовника в романтической комедии, и зрительницы бы влюбились в его высокие скулы, чувственные губы и насмешливые брови.

Однако характер у него отвратительный. Я не так часто с ним пересекаюсь, но когда на планерках приходится отчитываться за проделанную работу и разжевывать элементарные вещи в рекламных стратегиях, то он меня выбешивает своей дотошностью, высокомерием и надменным поучающим тоном до белых пятен перед глазами. Благо в основном отдувается Дашка, которая у нас глава маркетингового отдела, но она и рада стараться: она прямо тащится от Арсения, а он в свою очередь не проявляет к ней никакого интереса.

Арсений отвлекается от разговора с теми, как он заявил минут десять назад на сцене, на кого должны равняться остальные риелторы, и наши взгляды встречаются. Он восторженно изгибает бровь, и я криво и вежливо улыбаюсь, а затем отворачиваюсь. От беглого взора серых и стальных глаз сердце пропускает удар, и по спине прокатывается волна жара. Возможно, это шампанское виновато, ведь я мало пью и очень чувствительна к алкоголю.

— Идет сюда, — испуганно шепчет Дашка, и с улыбкой отставляет бокал на стол, распрямив плечи. — У меня сейчас сердце выскочит.

Да не только у тебя одной сердце рвется на свободу. Я же сегодня хотела постоять в сторонке и не отсвечивать. Делаю глоток шампанского, и с натянутой улыбкой разворачиваюсь к уверенно шагающему к нам Арсению.

— Отдыхаете, девочки? — он скалится, обнажая белые и ровные зубы.

— Отдыхаем, — щебечет Дарья и ее пухлые щеки заливают игривый румянец. — А вы?

— И я, — он с равнодушной улыбкой кивает и тянется к блюду с канапе из кусочков черного хлеба, ломтиков ветчины и помидорок черри.

Улавливаю среди густых запахов мяса, овощей и сыра тонкий свежий аромат парфюма, который на секунду меня уносит на солнечный берег моря.

— Ну, отдыхайте, — отправляет в рот канапе и отплывает, раскусывая черри крепкими зубами.

Дашка шумно выдыхает, прикрыв глаза, и хрипло шепчет:

— Затащить бы его в туалет и... — она несдержанно клочечет и закусывает губу, — ух, я бы с удовольствием изучила с ним всю камасутру от корки до корки.

— В туалете? — ехидно уточняю я.

— Да где угодно, — она хватает со стола свой бокал и залпом осушает его до дна. — Могу и в туалете для него проявить чудеса гибкости.

Я не в силах сдержать в себе тихий и беззлобный смех, и Дашка недовольно цокает:

— Я зря, что ли, йогой занялась? Ты бы видела, как я могу скрутиться, но вот раскрутиться, — она разочарованно вздыхает, — без посторонней помощи не всегда получается.

Пара бокалов шампанского, и вечер уже не так уныл, каким мне показался в первый час моего пребывания тут. Я даже притоптываю каблучком под задорные распевы одной из

риелторш, которая вызвалась развлечь коллег вместе с приглашенными артистами, а на агрессивном фаер-шоу от полуголого и юного факира я несмело аплодирую. Еще один бокальчик игристого вина и я, может быть, присоединюсь к танцующим коллегам у небольшой сцены, где за массивной установкой беснуется энергичный диджей.

От ярких и неоновых вспышек кружится голова, а Дашка куда-то пропала, и я ее не виню: я скучная и со мной даже сплетни не перетереть, потому что я упрямо отказываюсь участвовать в обсуждениях, кто с кем развелся и от кого подцепил неприятную болячку.

Озираюсь по сторонам. Никто не заинтересован моей персоной, и многие хорошо так опьянели: танцы становятся более раскованными, а разговоры и смех громче. Отличная возможность тихо и незаметно слинять, но перед этим я загляну в уборную, а то я не доеду до дома и лопну.

Бегу по темному коридору на носочках, ныряю за дверь туалета и обескураженно замираю. Над раковиной склонился Арсений, оперевшись руками о белые фаянсовые бортики. Он успел избавиться от пиджака, галстука и закатить на жилистых предплечьях рукава рубашки.

— Вам плохо? — едва слышно и с участием спрашиваю я.

— А, Венера, это ты, — он поворачивает ко мне лицо и криво улыбается, — нет, у меня все замечательно.

Похоже, он пьян. Глаза подернуты поволокой, щеки тронуты красными пятнами, а дыхание сбивчивое и неровное.

— Это женский туалет, — говорю я в стремлении намекнуть Арсению, что он чуток заблудился.

— Да? — он с наигранным удивлением распрямляется и оглядывается.

Ворот рубашки расстегнут на две пуговицы, и эта незначительная деталь обращает Арсения в распутного ловеласа, что вознамерился меня соблазнить выступающим мужественным кадыком и яремной ямкой.

— Точно женский? — он вновь смотрит на меня и от искры легкого безумия в его глазах мне становится не по себе.

Я молча киваю. Вот засада. Я бы убежала, но боюсь, что описаюсь. Мочевой пузырь полон, и одно неловкое движение может привести к катастрофе.

— Мне нет причины тебе не верить, — Арсений бесшумно и мягко шагает ко мне, вглядываясь в глаза.

Останавливается, нависает надо мной и улыбается:

— И какая удача, Венера, — хрипло шепчет в лицо, — мы тут одни.

Я беспомощно хлопаю ресницами, и Арсений воспринимает мое молчание, как призыв к действию. Наклоняется ко мне с приоткрытыми губами, выдыхая алкогольные пары, от которых щиплет глаза, и получает звонкую и пощечину.

— Что вы себе позволяете? — я вскрикиваю, ловко уворачиваюсь от руки, что пытается меня схватить за запястье, и прячусь в кабинке. — Прочь!

— Вот сука, — рычит Арсений, громко и оскорбленно

хлопнув дверью.

Глава 2

После того как я умылась холодной водой, меня немного отпускает. Все-таки стоило быть твердой в решении пить только лимонад, а то коварный шампусик знатно ударил в голову.

— Вот ты где! — в уборную влетает всклокоченная и громкая Дашка. — Господи, там такое! Такое сейчас начнется! Я боялась, что ты ушла! Ты должна это увидеть!

Не спеша вытираю руки бумажным полотенцем, комкаю его и выбрасываю в урну под раковиной. Что бы там ни началось, я в этом точно не заинтересована. С меня хватит.

— И я планирую уехать домой. Я устала, Даш, — сокрушенно вздыхаю на бледное отражение в зеркале. — Я не выспалась.

На корпоративе я показалась, выпила пару бокалов шампанского и съела несколько канапе, а большего никто не смеет с меня требовать. Минимум приличий неравнодушной коллеги соблюден, и могу с чистой совестью уйти.

— Да ладно тебе! — Дашка тянет меня за собой. — Веселье в самом разгаре!

В коридоре я вытягиваю руку из вспотевшей ладони Дашки, которая очень торопится вернуться в зал к остальным коллегам. Я не поддаюсь на ее уговоры, вызываю такси и лишь потом покидаю тихий и мрачный коридор.

Все столпились у сцены и напряженно молчат. Музыки не слышно, а диджей за установкой тоже за кем-то очень внимательно наблюдает. Любопытство перевешивает благоразумие, и я нерешительно шагаю к сцене. Слишком уж все увлечены происходящим.

— Сюда! — Дашка опять хватается за руку и, нахально расталкивая мужчин и женщин, тащит меня за собой.

У сцены стоит Арсений и неторопливо расстегивает рубашку, пуговицу за пуговицей, а затем бесстыдно оголяется, и женская половина нашего большого коллектива синхронно и шумно выдыхает, ведь мы узрели крепкие грудные мышцы, напряженный пресс и развитые мускулистые руки. Бросает рубашку под ноги и лихо приглаживает волосы ладонью, всячески красуясь перед присутствующими.

— Его надо остановить, — с тихим укором шепчу я и не могу моргнуть, потому что я впервые и вживую вижу идеальный мужской торс. — Что он делает?

Арсений разминает широкие плечи, принимает из рук одного из топовых риелторов, который едва держится на ногах, бутылку с прозрачной жидкостью и решительно к ней прикладывается. Щелчок зажигалки и к потолку изо рта полуголого безумца рвется ревущий столб огня. Мышцы Арсения озаряются оранжевыми отблесками, и я вижу не человека перед собой, а демона, изрыгающего адское пламя.

Я испуганно и нервно взвизгиваю, прижав ладони ко рту, а остальные одобрительно свистят, аплодируют и восторжен-

но кричат веселыми обезьянами. Огонь внезапно потухает, и Арсений пьяно вытирает губы, исподлобья глядя прямо мне в глаза. Вот черт. Кажется, я попала в немилость боссу, которого посмела хлестнуть злой пощечиной, и его взор не обещает мне легкой участи.

— Охренеть, — Дашка что-то печатает на смартфоне. — Это просто бомба!

Я не сразу соображаю, что она выкладывает ролик с огнедышащим Арсением с корпоративного аккаунта в социальную сеть с припиской “Нам не страшны никакие кризисы, а конкурентов мы сжигаем”

— Ты что делаешь? — я тянусь рукой к ее смартфону. — Удали!

— Нет! — она прячет его в карман. — Подписчики оценят.

— Конечно, оценят! — повышаю голос, взмахнув рукой на Арсения. — Он же голый!

— Что у вас там? — рывкает он и накидывает на плечи рубашку.

А потом подходит, и Дашка смущенно вкладывает в его ладонь смартфон. Арсений молча смотрит ролик и кивает, возвращая телефон:

— Неплохо.

— Но... А... — я захлебываюсь в возмущениях и в предостережениях, что от подобного ролика может пострадать репутация целого агентства. — Так нельзя... Как же...

— Можно, Венера, — Арсений буравит меня сердитым взглядом и приближает ко мне лицо, — сегодня можно все.

Риелторы и остальные сотрудники с пьяными воплями ликуют, а меня оглушает громкая агрессивная музыка и гонит прочь от разъяренного босса, чей взгляд пробирает до костей страхом. Расталкиваю коллег, с трудом протискиваюсь через них и отмахиваюсь от рук, что хотят меня остановить. Не зря я сторонилась наших корпоративов, на которых приличные с виду люди превращаются в каких-то маньяков.

— Венера! — у такси меня окликает злой голос Арсения. Я оглядываюсь. Стоит на крыльце в расхристанной рубашке и скалится в улыбке.

— Тебе не по нраву веселье?

— Не по нраву, — сжимаю кулаки. — И я предпочитаю веселиться иначе.

— Отлично, — он спускается по ступеням ко мне, и я трусливо ныряю в салон такси. — Не соизволишь показать, как ты веселишься? Мне очень любопытно.

— Поехали! — я бью ладонями по переднему сидению. — Немедленно!

— А этот не с вами? — таксист кивает в сторону Арсения, который размашисто и легко шагает к машине.

— Нет! Этот не с нами! Совсем не с нами! — истерично отзываюсь я, проглатывая от паники окончания слов. — Господи! Он же меня...

— Изнасилует? — сурово предполагает таксист, и маши-

на резко трогается с места, оставив Арсения на тротуаре в гордом одиночестве.

— Что? — непонимающе смотрю на таксиста, откинувшись назад. — Нет. Наверное.

Оборачиваюсь через плечо на Арсения, который неторопливо поднимается по ступеням на крыльцо ресторана, небрежно спрятав одну руку в карман брюк, и чувствую легкое разочарование, которое меня обескураживает. Неужели я ждала, что он все же успеет нырнуть за мной в салон машины?

— А кто он? И чего хотел? — обеспокоенно уточняет таксист. — Может, вас в полицию отвезти?

Это очень мило, что незнакомый и чужой человек беспокоится обо мне и хочет помочь, но его предположение о том, что Арсений вынашивал очень нехорошие планы, меня чуток возмущают. Я, если честно, теперь даже не уверена, что в туалете он хотел меня поцеловать. Вот сдалась я ему.

— Это мой босс, — сипло отвечаю я и прикладываю холодную ладонь ко лбу, — и нет, в полицию не надо, он просто выпил лишнего, как и я. Как же я ненавижу корпоративы, вы бы знали.

В машине пахнет хвойным освежителем, от которого к горлу подкатывает ком тошноты. Постараюсь дышать через рот, чтобы меня не вывернуло наизнанку шампанским и закусками, а то будет очень стыдно. Выпила всего-то два бокала, а накрыло так, будто я целую бутылку выжрала.

— Со стороны все выглядело очень подозрительно. Вы испуганная и растрепанная удирали от мужчины в расстегнутой рубашке, который явно чего-то от вас хотел, — таксист бегло и встревоженно смотрит в зеркало заднего вида. — А еще у вас платье порвано.

— Что? — охаю я и изумленно смотрю на рукав, что разошелся по плечевому шву. — И где это я успела?

Наверное, кто-то неудачно дернул меня, когда я решила покинуть веселье, что испугало мою тонкую и очень эмоциональную натуру и толкнуло к побегу. Хочу заплакать и пожалеть себя, но понимаю, что никакой трагедии не случилось: платье я зашью, а за ночь успею протрезветь.

— Точно все хорошо? — допытывается таксист, уловив в тишине мой жалобный всхлип. — Вы можете мне довериться.

— Угу. На корпоративах всегда происходит всякая ерунда, — я смотрю через затонированное стекло на фонари и горящие в домах окна. — Меня сегодня подруга заставила прийти, а то я, видишь ли, от коллектива отрываюсь, и мне надо быть активной и мелькать перед глазами шефа, если хочу повышения. Мелькнула, блин! И сверху добавила пощечины!

— Распускать руки нехорошо, — таксист с легким осуждением качает головой.

— Я не специально, — тараторю я, проглатывая половину слов. — Я сама ничего не поняла и бац! Прямо по его на-

хальной морде. А вот нечего ходить по женским туалетам!

Не представляю, что меня ждет завтра на работе. Очень надеюсь, что, протрезвев, Арсений либо забудет о том, как я его хлестнула по лицу, либо принесет извинения за то, что повел себя со мной очень некрасиво и потребует удалить с корпоративного аккаунта видео, где он зажигает и проявляет чудеса огненной магии.

Глава 3

Выхожу из такси и стою перед обшарпанным крыльцом общежития, в котором я живу, минут пять. Мне надо собраться с духом, чтобы подняться на третий этаж в свою маленькую комнатку. Из открытых окон доносится звуки гитары, мужской гогот вместе с женским смехом и неразборчивые песни.

Пробежать несколько лестничных пролетов, открыть тяжелую дверь, что ведет в женское крыло, закрыть и выдохнуть. Мне повезло, что я снимаю комнату на этаже со студентками и матерями одиночками, которые заинтересованы в порядке и тишине, а вот на остальных этажах не все так замечательно: алкоголики, молодые и громкие парни, что вечера проводят в веселых компаниях, и случайные залетные, которые надолго здесь не задерживаются, потому жизнь в общежитии не для всех.

Она и не для меня, но я поставила себе цель купить квартиру в ипотеку и сейчас собираю деньги на первый вклад, поэтому я стараюсь экономить, в том числе и на жилье. Ничего страшного и повторяю: мне повезло — на нашем этаже если и случаются какие-то эксцессы, то они связаны либо с маленькими детьми, которые любят гонять по коридору на самокатах и падать, либо с бытовыми проблемами.

На неделе, например, прорвало трубу в душевой и за ночь

залило почти весь этаж, а месяц назад погорела проводка, а вчера забился унитаз, а еще мы несколько месяцев не могли понять, почему на этаже воняет гнилью. И вот совсем недавно выяснили, что в стене у входной двери коридора сдохла и успела мумифицировать крыса.

В моей комнате чисто и уютно. Я когда въехала, то сделала ремонт: переклеила обои, побелила потолок, покрасила окна и с разрешения хозяйки выкинула старую и страшную мебель и купила с рук более приличную. Недавно вызвала мастера, который поменял полы и застелил его новым линолеумом.

Да, лишние траты, но, как говорится, бытие определяет сознание. Я бы даже при всем желании не смогла спать на продавленном диване, от которого воняло мочой, поэтому за хорошую цену приобрела у милой девушки односпальную кровать с кованым и витиеватым изголовьем и недорогой матрас. А после я по частям вынесла шкаф без дверей, обшарпанный и шатающийся комод и жуткую тумбу без одной ножки. В общем, моя нора сейчас очень даже ничего.

— Здравсьте, — из соседней двери выглядывает Васечка.
— Тетя Веня.

Милый пятилетний мальчишка улыбается во весь рот и пускает на футболку с желтым утенком слюни.

— Ты чего не спишь? — шепчу я. — Мама на работе?

— Да, — Васечка кивает. — А Ирка спит.

Ирка — его старшая десятилетняя сестра, которая при-

смаатривает за ним и младшим Тёмой, которому исполнилось недавно два годика. Лена, их мама и очень милая в общении женщина, работает сменами медсестрой в больнице.

— А вы где были? — Васечка прижимается щекой к торцу двери.

— На работе, — я тихо проворачиваю ключ в замочной скважине.

— И мама на работе, — печально вздыхает он. — Теть Вень, я тоже буду работать, когда вырасту?

— Вероятно, — киваю я.

— Не хочу, — обиженно надувает щеки и трет нос ладошкой.

— Здрасьте, — в проеме двери показывается взлохмаченная голова Ирки, которая тянет брата в комнату, — идем, Вась.

— Сказку хочу... — конючит он в ответ и упирается.

— Будет тебе сказка, — сонно и хрипло отвечает Ирка. — Ты сейчас Тёму разбудишь.

Дверь с поскрипыванием закрывается за детьми, и меня накрывает с головой тоска. Муж Лены, отец ее детей, ушел к любовнице, а после развода они продали общую квартиру и денег хватило лишь купить комнату в общежитии. Алиментов этот козлина не платит, детьми не интересуется и в жизни бывшей семьи никак не участвует.

С невеселыми мыслями я принимаю душ. Облачившись в теплый и пушистый халат, иду по темному коридору и вслу-

шиваюсь в приглушенные завывания и игру на гитаре с четвертого этажа. Подкрадываюсь к двери, за которой Ирка бубнит Васечке о смелом мальчике и злом драконе, и запираюсь в своей комнате, стягивая с влажной головы полотенце. Мне Анфиска, моя сестра, что старше на три года, тоже читала сказки, только о принцессах и принцах, которые в конце всегда женились и жили долго и счастливо.

Мне двадцать семь, а с принцами у меня прямо беда. Один из них бросил меня на последнем курсе и женился на моей подруге Катьке. Сейчас живут в Сочи и воспитывают двух мальчиков. Второй не продержался и трех месяцев и свалил в закат после того, как я намекнула, что меня не привлекают отношения лишь ради секса, а после я потеряла интерес к мужчинам. Я решила, что мне надо сначала устроить свою жизнь, встать твердо на ноги и только потом думать о романтических отношениях с принцами, которые зачастую оказываются самцами жаб.

Когда я ныряю под одеяло с намерением немедленно заснуть, телефон на тумбочке вспыхивает и тихо вибрирует, оповещая, что я получила сообщение, которое я не могу проигнорировать из-за тревоги. И у кого хватило наглости потревожить меня в три часа ночи?

Незнакомый номер: я все гадаю, какие на тебе были сегодня трусики, Венера? Кружевные?

Сон как рукой снимает. Раз меня назвали по имени, то извращенец не ошибся номером и печатал гадкое сообщение лично для меня.

Незнакомый номер: Стринги?

Смахиваю со лба непослушный локон и ищу в меню контакта функцию черного списка. Даже знать не хочу, что это за шалун решил со мной позаигрывать посреди ночи. Вздрагиваю, когда телефон вновь вибрирует, и шокировано с учащенным сердцебиением смотрю на новое сообщение.

Незнакомый номер: Невоспитанно не отвечать своему боссу, Венера.

Вдыхаю через нос, выдыхаю через рот и дрожащими пальцами набираю сообщение. Чего он ко мне пристал? И трусики на мне были черные и без кружев, но об этом пьяному шефу не стоит знать.

Венера: Вы не в себе, Арсений.

Я не теряю надежды достучаться до неадекватного босса и образумить его. Я понимаю, что алкогольное опьянение вскрывает в человеке его темную и не самую приятную сторону.

Незнакомый номер: Определенно, моя богиня, я пьян, но я все еще жду твоего ответа.

На “моей богине” я удивленно распахиваю глаза и издаю грудной клекот польщенной голубки, но Арсений не видит меня и не знает, что я смущенно покраснела от его слов, поэтому я могу с чистой совестью его пристыдить.

Венера: Вы отвратительны, и завтра вам будет совестно.

Хотя я сомневаюсь, что Арсений завтра будет чувствовать себя виноватым. Он из тех, кто всегда и во всем прав, даже когда его мозги залиты дорогим виски.

Незнакомый номер: Или ты была без трусиков? Этот вариант меня заводит еще больше. Ах ты, маленькая развратница.

Венера: Довольно, Арсений.

Я блокирую номер и прячу телефон под подушку. Сажу в темноте и пытаюсь понять, почему Арсений сегодня обратил на меня излишнее внимание, которого я прежде за ним не замечала. Он всегда был высокомерным, въедливым и трусиками подчиненных никогда не интересовался. И вот вопрос:

он на корпоративах всегда такой?

Вспоминаю сплетни коллег и Дашки, и разговоры если и заходили о пьяных подвигах и неприличных ситуациях, то они не касались Арсения. Я ни разу не слышала, чтобы кто-то о нем шушукался и распространял слухи, хотя он бывал на всех мероприятиях. Неужели он именно сегодня сорвался и пошел во все тяжкие?

Вдруг у него что-то случилось, и его оскорбительные сообщения — завуалированная просьба о помощи? Выхватываю телефон из-под подушки, убираю номер Арсения из черного списка и отправляю обеспокоенное сообщение.

Венера: У вас все в порядке? Может, вам нужна помощь?

Молчание в эфире, и я жутко пугаюсь. Кусаю губы и решительно звоню, ведь я не смогу теперь уснуть, если не буду знать, что с Арсением все в порядке. Вслушиваюсь в гудки, которые обрываются томным девичьим голоском:

— Чего тебе, маркетолог Венера?

Вероятно, именно так подписан мой контакт в телефоне Арсения. И почему мне обидно. Мог бы убрать “маркетолога” и оставить только Венеру.

— А... — стушевавшись под прямым вопросом, покусываю ноготок, — я хотела уточнить в порядке ли Арсений...

— Так, девочки! — слышу самодовольный и пьяный голос Арсения. — Показываю в последний раз. Готовы? Внима-

ние...

Меня оглушают визги и задорный смех.

— В порядке, — мурлыкает незнакомка на той стороне.

— Мне сказать, маркетолог Венера, что ты звонила?

— Нет! — в страхе шепчу я и трусливо сбрасываю звонок.

Затем я падаю лицом в подушку и несколько раз бью ее слабыми кулаками. И зачем я поддаюсь волнению и позвонила?!

Глава 4

Я встаю в шесть утра, чтобы успеть на общей кухне приготовить завтрак, пока остальные соседи не проснулись. Варю овсянку на молоке и пеку блинчики в тишине и одиночестве. Такие моменты уединения меня очень радуют, и я наслаждаюсь утренним умиротворением, которое скоро расцветет суетой и спешкой.

По пути в комнату заглядываю к спящим Ирке, Теме и Васечке и ставлю на стол тарелку с блинчиками и кастрюльку с кашей. Когда Лена уходит на ночную смену, я готовлю завтрак не только для себя, но и для ее милых детишек. Мне несложно и я рада хоть как-то помочь большой и дружной семье.

— Спасибо, тетя Веня, — сонно шепчет Ирка с верхней койки двухъярусной кровати.

— Спи, — едва слышно и ласково отзываюсь я и накрываю одеяльцем Тему и Васю, которые спят в обнимку на нижней койке.

Ирка послушно посапывает, и я выхожу. После завтрака и чашки кофе я расстилаю перед кроватью прорезиненный коврик и двадцать минут занимаюсь неторопливой зарядкой в молчании и настраиваюсь на рабочий режим. Затем привожу себя в порядок и придирчиво оцениваю отражение в узком зеркале на дверце шкафа.

Я должна выглядеть прилично и чтобы никто не догадался, что я живу в общежитии и что я не “успешный успех”. Одеваюсь просто, но со вкусом. Одежда у меня недорогая, куплена по большим скидкам и даже в секундах, однако в моем гардеробе нет места некачественным вещам, которые после стирки теряют форму и покрываются катышками. И мои попытки создать образ стильной женщины успешны: коллеги не раз одаривали меня комплиментами, что я хорошо выгляжу.

Сегодня выбор пал на льняной костюм с узкими брюками и приталенным пиджаком, под который я надела пудровый топ, и бежевые лодочки на невысоком каблуке. Собираю волосы в тугую косу, едва касаюсь губ нюдовой помадой и сама себе одобрительно киваю. Так и не скажешь, что костюм был выкопан из огромной кучи тряпья в страшном секунд-хенде в подвале, где в углах расплзлась черная плесень.

Что же меня сегодня ждет на работе? После моего необдуманного ночного звонка Арсений больше не писал и, вероятно, был занят тем, что развлекал каких-то “девочек” тем, что показывал им что-то интересное. И мне любопытно: “девочки” были нашими из “Золотых метров” или чужими?

— Он уехал почти сразу, как ты сбежала, — отвечает Дашка, клацая по клавиатуре. — Приказал веселиться и оставил нас без присмотра.

Мне пришлось схитрить и поинтересоваться у нее, а соизволил ли наш босс удивить подчиненных еще чем-то кроме

фаер-шоу.

— И ты не поверишь, — она отвлекается от монитора и разочарованно смотрит на меня, — час и мы тоже все разошлись. И из-за чего?

— Из-за чего?

— Влад и Юра подрались.

Влад и Юра — те самые топовые риелторы, которых вечно всем в пример ставят. И это неудивительно: они закрывают чуть ли не каждый день многомиллионные сделки.

— Из-за меня, — Дашка расплывается в улыбке.

Аня, смешливая контентщица, фыркает за соседним столом, и Дашка фыркает:

— Да, из-за меня!

— А я ничего не говорила, — Аня стучит по клавиатуре.

— Короче, я и Влад, — Дашка подается в мою сторону и шепчет, — танцуем...

— Ага, — Аня недовольно причмокивает.

— Что? — Дашка разворачивается к ней.

— Да вы там обжимались, а не танцевали. Он тебе под юбку залез! — Аня выглядывает из-за монитора. — Мы твою жопу в стрингах видели!

— Много ты понимаешь в страстных и откровенных танцах! — Дашка бьет кулаком по столу, и я вздрагиваю.

— А Юра подходит, — Аня переводит на меня насмешливый взгляд, — и говорит им, чтобы они уединились, а то их откровенные страстные танцы пугают честной народ.

— То есть полуголый шеф никого не испугал, а танцы испугали? — я откидываюсь на спинку кресла. — Его голые сиськи никого не смутили?

Аня и Дашка краснеют, выпучившись на меня, и я недоуменно вскидываю бровь. Наверное, мне не стоило быть такой смелой в словах, потому что обычно я очень сдержанна, но меня все еще злят ночные сообщения Арсения о трусиках.

— Уж кому и стоило сделать замечание, так это ему, — продолжаю я язвить, — но нет. Все же были в восторге от его мышц и пресса, да, девочки?

Дашка переводит испуганный взгляд с моего лица в сторону, будто кто-то стоит за спиной, и я медленно разворачиваюсь в кресле к двери.

— Если ты готова сделать мне замечание, — на пороге застыл Арсений и холодно улыбается, — то прошу пройти в мой кабинет.

У меня от неловкости и страха немеет лицо и покалывает щеки. От ночного разнузданного Арсения не осталось ни следа, и передо мной стоит мрачный и суровый босс, который очень мной недоволен.

Я могу извиниться и пойти на попятную, но это будет выглядеть жалко, и я не откажусь от своих слов. Я действительно осуждаю Арсения за его пьяную смелость, попытки поцеловать меня в туалете и ночные сообщения, которые не отправляют подчиненным.

— Венера не хотела... — пищит Дашка, пунцовая и смущенная. — У нее похмелье... И...

— Я за свои слова готова нести ответственность, — я встаю под внимательным и цепким взглядом Арсения.

— Тогда прошу, — он пропускает меня вперед. — Очень любопытно, что ты скажешь.

Я не боюсь, пусть у меня и ноги не гнутся от волнения. В следующий раз я, как обычно, буду молчать и не участвовать в сплетнях, а то я совершенно не умею себя сдерживать в неуместном ехидстве.

Иду за Арсением, который несколькими широкими шагами вырвался вперед. Огромное открытое пространство офиса заставлено столами: около трети площади выделена для колл-центра, а другая часть занята риелторами и некоторые из них уже общаются с ранними клиентами. Смотришь на их серьезные лица и не скажешь, что они вчера пьянствовали и веселились так, как не веселятся черти в аду.

Логово Арсения прячется в глубине офиса и за стеклянными стенами, что увешаны глухими жалюзи. Кабинет его, как и подобает серьезным людям, разделен на приемную, где нас встречает секретарша Вера, и саму обитель босса.

— Кофейку, — равнодушно просит Арсений.

Вере около сорока лет. Серьезная высокая женщина с глубокой морщиной на переносице. Короткие волосы выкрашены в платиновый блонд, и она в строгом костюме больше напоминает какого-нибудь секретного агента, а не секретаршу

в риелторской компании.

— И почему тебя вчера не было на корпоративе? — у двери в кабинет Арсений оглядывается и щурится.

— У меня трубу в туалете прорвало, — спокойно отвечает Вера. — У меня была своя вечеринка с сантехниками и соседями снизу. Повеселилась от души.

Арсений кивает, и я ныряю за ни в его кабинет. Мебель тут лаконичная и без изысков и вычурности, хотя чувствует-ся, что здесь поработал дизайнер и создал атмосферу делового и современного уюта.

— Присаживайся, — Арсений опускается в “капитанское” кресло за стол со стальными прямыми ножками, в которых при желании можно увидеть свое отражение, — и начинай.

— Вы же сами понимаете, что...

— Венера, я не совсем помню, что вчера было, — Арсений скалится в улыбке, — поэтому тебе придется меня посвятить в подробности. Про мои голые сиськи и как я играл в факира можешь мне не говорить. Видео я с аккаунта удалил, хотя я уверен, что его уже все успели сохранить.

Он врет, что ничего не помнит или действительно словил амнезию? Стоит ли мне говорить, что он в туалете и после него проявил ко мне навязчивый интерес?

— Вы ночью мне писали, — слова сами слетают с губ, и я чувствую, как к щекам приливает румянец стыда.

— Да? — Арсений издевательски изгибает бровь и доста-

ет из кармана пиджака телефон.

Минуту в нем копается, молча смотрит на экран и переводит спокойный взгляд на меня.

— Действительно, писал.

— Я думаю, вам стоит извиниться, — сипло и сдавленно отзываюсь я.

— Но извинения не отменяют моего любопытства, — он откладывает телефон в сторону и флегматично взирает на меня.

— Что, простите? — поперхнувшись от изумления, охаю я.

— Ты была без трусиков? — Арсений закидывает ногу на ногу и постукивает пальцами по подлокотнику кресла.

— Это... — я встаю и тихо с испугом заявляю, — возмутительно...

— И еще вопрос, Венера, — он клонит голову на бок, оглядывая меня сверху вниз, — между нами в туалете что-то было? Я обрывками все помню, и кажется, ты и я...

— Нет! — рявкаю я.

— Точно?

— Да я бы никогда... с вами... — захлебываюсь в возмущениях, а потом нервно отправляю пиджак и цежу сквозь зубы. — И ваши сообщения с отвратительными расспросами о том, какое было на мне белье подтверждение тому, что ничего между нами не было.

— Я бы поспорил, Венера. Мне, возможно, было не до

того, чтобы разглядывать твои трусики, а потом я задался логичным вопросом и решил уточнить, — отвечает с тихой безмятежностью Арсений.

Вспыхиваю гневом и смущением, вылетаю из кабинета, потеряв способность внятно изъясняться, и чуть не сталкиваюсь лбами с Верой, которая грациозно и уверенно делает шаг в сторону с подносом в руках. Это не алкоголь виноват в том, что Арсений мудака, он по жизни такой!

— Венера! — летит в спину злой окрик. — Вернись!

Глава 5

— Я вызвал тебя к себе для отчета, Венера, — голос Арсения тихий и злой, — вернись немедленно в кабинет.

Отпускаю ручку двери и оглядываюсь. Вера переводит на меня взор, и я обдумываю, насколько будут уместны сейчас претензии в адрес Арсения, который стоит в проеме и буравит меня сердитыми глазами.

— Ты ведь запустила рекламу на жилой комплекс “Долина счастья”? — спрашивает Арсений, подхватывает с подноса Веры чашку кофе и нагло усаживается за ее стол.

— Я, — киваю и нервно сглатываю.

— И по нему просто отвратительные продажи, — Арсений делает глоток, глядя мне в лицо.

— Продажи отвратительные, потому что риелторы не отработывают лиды, — я разворачиваюсь к нему и скрещиваю руки на груди, — кампания и таргет показывает хорошую конверсию, Арсений. Люди оставляют в заявках контакты, а их могут игнорировать неделю. Это не ко мне вопросы, а к риелторам или колл-центру. Как только в системе высветилась заявка, на нее надо реагировать, а не в носу ковырять и откладывать на потом.

— То есть обвинения в том, что от тебя приходят плохие лиды — ложь? — Арсений вопросительно изгибает бровь.

— Лиды не могут быть хорошими или плохими! Это ведь

не люди! — охаю я. — Моя задача привлечь внимание потенциальных клиентов красивой рекламой и заставить их оставить контакты. Они их оставляют? Оставляют. Я принесу вам таблицу со всеми контактами, которые собрала моя реклама строго по датам и даже времени и вытащу из системы информацию о том, когда они были обработаны.

— Тогда и прихвати с собой и Ивана, — Арсений мило-стиво кивает, — устрою вам очную ставку.

Не в первый раз риелторы скидывают вину за плохие продажи на маркетинговый отдел. Никому из них, даже новичкам, неинтересно заниматься жильем эконом-класса. Зачем тратить время на недорогие квартиры, ведь там комиссия не такая высокая. Все они мечтают сорвать куш с продажи элитных метров.

— Что? — спрашивает Дашка, когда я разъяренная вле-таю в кабинет.

— Иван обвинил нас в том, что мы виноваты в плохих продажах, — я сажусь за стол и торопливо лезу в папки с отчетами, — но он, сука, тупой, как валенок, и не в курсе, что я была готова к его подставе.

— Ого, — Аня округляет глаза, — да ты прям тигрица.

— Долина счастья, да? — Дашка хмурится. — Так и знала, что с ним будут проблемы.

— Поэтому скинула на меня? — встаю и подхожу к гудя-щему принтеру. — Очень ты мне услужила, Даш.

— Я знала, что ты справишься.

Через десять минут я и Иван сидим перед столом Арсения, который сосредоточенно изучает бумаги с данными. Я уже позабыла о трусах, отвратительной беседе и ночных сообщениях и хочу, чтобы восторжествовала справедливость и признали мой профессиональный опыт, который обеспечил команде Ивана горячими клиентами, а они из-за лени и неумных амбиций их проморгали.

— Арсений, как я уже говорил... — начинает Иван и за-
тыкается под тяжелым и мрачным взглядом босса.

— Ты уволен, — Арсений откладывает бумаги и подпи-
рает подбородок кулаком.

— Но... — Иван открывает рот, чтобы оправдаться.

— Я неясно выразился? — Арсений приподнимает брови.
— Уволен.

Иван молча встает и покидает кабинет. Жду, что он оби-
женно хлопнет дверью, но он закрывает ее медленно и бес-
шумно. Я тоже поднимаюсь на ноги, но Арсений вскидывает
в повелительном жесте руку:

— Сиди.

А я не намерена выполнять его приказ особенно после то-
го, как он усомнился в моей компетенции из-за жалобы Ива-
на.

— Я приношу свои извинения, — спокойно и серьезно
заявляет Арсений, когда я делаю уверенный шаг к двери.
— Признаю, я выпил вчера лишнего и только сейчас, после
чашки кофе, я немного взбодрился.

Я оборачиваюсь через плечо и хмурюсь. Я ему не верю, слишком уж глаза у него хитрые и выражают ничего кроме издевки.

— И мои сообщения были бы простительны, — Арсений насмешливо улыбается уголками губ, — если бы ты была моей любовницей, а так, я согласен, они были неуместными и слишком провокационными.

Пропускаю мимо ушей намеки на то, что я могла бы быть его любовницей. Он даже в извинениях умудряется меня жутко смутить.

— И вам стыдно? — задаю я вопрос, не обдумав его хорошенько, прежде чем открыть рот.

— Определенно. Попытка соблазнить подчиненную в женском туалете... — он с наигранным осуждением качает головой. — Как я мог перепутать туалеты? Возможно, все-таки ты заблудилась, а не я?

— Это вы заблудились.

— Минутку, Венера, — Арсений касается экрана смартфона, пролистывает контакты и кому-то звонит по громкой связи.

— Да? Я слушаю, — кокетливо воркует голос Дашки.

— Дарья, вчера на корпоративе ты искала Венеру, — смотрит на меня не мигая. — Так?

— Ага.

— Ты подошла ко мне и спросила, а не видел ли я ее, — без тени смущения продолжает разговор Арсений

— Так.

— Что я ответил? — он обнажает зубы в улыбке.

— Что она в мужском туалете, — Дашка мурлыкает в трубку, как кошка во время гона.

— И ты ее там отыскала? — Арсений прожигает меня насквозь взглядом.

— Верно.

— Благодарю, Даша, — сбрасывает звонок и откидывается назад на спинку кресла. — Я думаю, что моя попытка тебя соблазнить, Венера, была спровоцирована тобой. Вероятно, я посчитал, что ты с конкретными целями последовала за мной в туалет и подгадала удачный момент.

— Мы можем закрыть туалетный вопрос? — у меня дрожат пальцы от гнева и волнения. — Я могу предположить, что между нами случилось некоторое недопонимание, потому что я тоже была пьяна.

— И тебе стыдно? — Арсений с желчной ухмылкой возвращает мне вопрос.

— Верно, — твердо смотрю в его колкие и холодные, как у голодной рептилии глаза. — Я могу вернуться к работе?

— И жду, чтобы количество заявок по Долине Счастья увеличилось, — он стучит пальцами по бумагам, что я принесла. — Я поставлю риелторам новый план, который им придется выполнить через месяц.

— Тогда мой совет — надо увеличить бюджет рекламной кампании. Повторюсь, я добилась минимальных затрат на

таргет, — я хочу разбить о голову Арсения его ноутбук.

— Обсуди этот вопрос с Дарьей.

— Этим я и займусь, когда вы соизволите меня уже отпустить, — хватаюсь за ручку и зло стискиваю ее.

— И, возможно, тебе стоит объяснить риелторам про лиды, — шуршит сердитым песком голос Арсения.

Мы смотрим друг другу в глаза, и я не стану в этот раз отводить взор.

— Они об этом в курсе, просто их не привлекает работа с жильем эконо-класса, и вы прекрасно об этом знаете, Арсений. И в мои обязанности не входит, чтобы я объясняла элементарные вещи... — делаю многозначительную паузу и продолжаю сквозь зубы, что неприятно поскрипывают от злости, — риелторам. Если они не знают, что отрабатывать заявки надо сразу, как они высветились в системе, то они, мягко скажем, плохие специалисты.

— Свободна, — Арсений щурится на меня, и я выхожу с гордо поднятой головой.

Мне надо прийти в себя, остыть и настроиться на рабочую волну, поэтому я иду на кухню под предлогом сделать кофе и минут пять пялюсь на потолок, стоя у кофемашины. Буду искать новую работу. Обсужу вопрос увеличения бюджета на рекламу Долины Счастья и сяду за просмотр вакансий. Опыт у меня хороший, и мне не стоит бояться того, что буду куковать без предложений от потенциальных работодателей.

Вибрация в кармане, и я чуть не вскрикиваю от испуга.

Минуту не осмеливаюсь заглянуть в телефон, ведь я боюсь, что это Арсений мне опять напisyвает всякие гнусности, но когда вижу, что мне прислала сообщение старшая сестра, выдыхаю.

Анфиска: Надо встретиться и поговорить. На обеде.

По спине пробегает озноб тревоги. Обычно Анфиса добавляет в конце сообщений смайлики или звонит лично, а тут безэмоциональные слова наталкивают на плохие мысли, которые я решительно отметаю.

Глава 6

— У вас что-то было с Арсением? — спрашивает Дашка, подгадав момент, когда Аня выходит из кабинета.

Глаза у нее горят нездоровым любопытством, а щеки тронуты легким румянцем.

— Что за вопрос, Даш? — возмущенно смотрю на нее из-за монитора.

— Закономерный вопрос, — она хихикает и подпирает хитрое лицо кулаком. — Туалет, потом буквально огненный стриптиз, а затем он злой, как черт, идет за тобой, когда ты убегаешь, и возвращается еще злее, чем прежде. И сегодня между вами прямо искра пробежала, когда...

— Не придумывай, — я сердито отмахиваюсь от нее и лезу в телефон, чтобы удалить ночные сообщения от Арсения. — Он не в моем вкусе.

— Ишь ты, — Даша заливисто смеется. — Да на Ареса тут каждая слюни пускает.

— Ареса? — я отрываю взгляд от экрана смартфона и удивленно взираю на Дашу.

— Да, — она кивает. — Мы его так между собой называем. Только ему не говори, ага?

— Ты не поверишь, — я удаляю сообщения и криво улыбаюсь, — я с ним только по рабочим вопросам веду беседы.

— Конечно, — Дашка глупо хихикает.

Если я сейчас начну активно доказывать, что между мной и Арсением ничего не было вчера, то мои оправдания будут выглядеть очень подозрительно, поэтому я молча откладываю телефон и утыкаюсь в монитор.

— Вень, — шепчет Даша.

Слышу в ее голосе игривые нотки, которые меня нервируют.

— Да?

— А у Ареса в штанах, — она томно выдыхает, — копье или зубочистка?

— Я не знаю.

— Просто у нас тут спор, — продолжает Дашка. — У него же все там охренеть как выпирает...

— Даша, — зло цежу сквозь зубы.

— Но Зинка предположила, что он в трусы что-то подкладывает, а ей говорю, что нет, — выглядывает из-за монитора. — Большой, да? С подругой же ты можешь поделиться. Говори! Ну! Мне любопытно!

Мне от чего-то жарко, и я скидываю пиджак. Поднимаю взгляд на кондиционер у потолка. Неужели сломался?

— Сколько сантиметров?

— Даша! — вскрикиваю я и тут же понижаю голос до шепота. — Прекрати. Я вчера выпила лишнего и перепутала туалеты и случайно заглянула в мужской, а там Арсений. Я зашла, а он вышел и копье свое не показывал. Ясно? И я не думаю, что он себе в трусы что-то подкладывает, потому что

это глупо даже для него.

— Сантиметров двадцать, да? — Даша кусает губы и достаёт из ящика белую пластиковую линейку.

— Это невозможно, — я прячу лицо в ладони, а между ног печет и тянет.

Неужели меня взбудоражили разговоры о гениталиях босса? Видимо, я тоже еще не протрезвела, раз никак не могу сосредоточиться на работе.

— Гляди.

Я подчиняюсь ее тихой просьбе. Даша застыла над столом с линейкой, а ее палец замер на цифре двадцать. Затем она прикладывает линейку к предплечью и восторженно охает:

— И как он в тебя влез?

Я медленно моргаю, а мои брови ползут на лоб от возмущения.

— Что ты делаешь? — в кабинет возвращается Аня и встает у моего стола, с ожиданием глядя на Дашу.

— У Ареса двадцать сэмэ, — заговорщически шепчет та и протягивает линейку Ане.

— Охренеть, — она переводит на меня изумленный взгляд. — А в обхвате?

— Я не знаю, — сжимаю кулаки и подпираю ими лоб. — Девочки...

— Столько? — возбужденно спрашивает Аня и соединяет большой палец со средним в кольцо. — Или больше? Так?

Она расширяет кольцо, и я готова вот-вот расплакаться от

стыда. Между мной и Арсением ничего не было, а для Ани и Дашки очень даже было, и они в полном восторге.

— Вот столько, да? — пальцы Ани не соприкасаются и между ними расстояния сантиметра полтора. — Обалдеть, Вень. Как ты после него ходишь? Я бы тоже убежала. Это же не член, а дубинка.

— Девочки, — в отчаянии стону я, — но ведь между нами ничего...

— Вот для меня с головой хватает от четырнадцати до пятнадцати, — авторитетно заявляет Аня и садится за стол, — а больше уже страшно. Даже просто в руки взять боязно.

— Хватит! — рывкаю я и подскакиваю на ноги. — Как вам не стыдно? — слабо бью ладонью по столешнице. — Вы же приличные женщины!

— Будто приличные женщины сексом не занимаются, — Дашка небрежно кидает линейку в ящик и плюхается на кресло, глядя на меня снизу вверх. — Кто-то даже на корпоративах по туалетам успевает...

— Замолчи!

У меня щеки горят огнем гнева. Как же я умудрилась стать главной героиней гнусных сплетен? Весь мой грех лишь в том, что я выпила несколько бокалов шампанского и перепутала туалеты! И если бы Арсений держал язык за зубами и не сказал Дашке, что видел меня в мужской уборной, то я сейчас бы не выслушивала жуткие предположения о размере его достоинства! Он специально меня подставил! Мерзавец!

— Ой, блин! — вскрикивает Аня и резко встает. — Арес же вас на совещание с риелторами позвал! Я забыла!

Дашка ойкает, неуклюже поднимается из кресла и суетливо выбегает из-за стола, приглаживая блузку на груди:

— Он же не любит ждать!

Хватает за руку и тащит прочь, а я оглядываюсь на Аню, которая опять смыкает пальцы в кольцо и шокировано качает головой своим мыслям. Я хочу на обед, хочу к сестре, хочу пожаловаться ей, как меня тут все обижают и говорят ужасные вещи, к которым я не имею никакого отношения. Пусть Анфиса и не на много меня старше, но она всегда для меня была защитой и тем человеком, который в любой ситуации приголубит и успокоит.

— Где твоя улыбка? — Дашка шипит мне в лицо и встряхивает за плечи у двери в переговорную. — Ты должна радовать Ареса хорошим настроением и благожелательностью. Ясно?

— С чего это вдруг?

— Ты же нам будешь премию выбивать, раз ты и он...

— Не было ничего!

Дверь распахивается, и мы с Дашей загнанно смотрим на Арсения, который сводит брови вместе и спрашивает:

— Чего не было?

— Да так... Ничего и не было... — я слабо улыбаюсь и чувствую себя в пудровом шелковом топе с тонкими ляточками под его взглядом голой. — Просто ничего... не было...

А затем расправляю плечи и строго повторяю:

— Ничего это ничего. Вот так.

Дашка переводит взгляд с недоуменного Арсения на меня, а потом опять на него и улыбается:

— Обсуждаем рабочие моменты.

Замечаю, что глаза Арсения скользят по моим ключице и груди, и тут-то я понимаю, что не надела бюстгальтер под топ, и, вероятно, у меня торчат соски, ведь я чувствую ими мягкость шелка. И если я сейчас побегу за пиджаком, то признаю свое поражение и покажу, что я смущена до трясущихся коленей.

— Вы нас задерживаете, — Арсений отступает в сторону, пропуская меня и Дашку в переговорную.

Замечательно, я сейчас буду светить торчащими сосками перед командой Ивана и двумя нашими топами — Юрием и Владом. Когда этот день уже закончится, в самом деле?

Сажусь с прямой спиной за стол, а внутри я верещу и бьюсь головой о стену. Ну не идиотка ли? Как я могла не надеть лифчик и зачем я сняла пиджак? Столько вопросов, а ответов у меня на них нет.

— Я вами недоволен, — Арсения стоит у торца стола, спрятав руки в карманы, и смотрит на бледных птенчиков Ивана.

Взгляд сам опускается на его пах, и да: там очешуеть как выпирает, и я понимаю Зинку, которая предположила, что наш босс что-то подкладывает в трусы. И не надо быть опыт-

ной женщиной, чтобы понять — у Арсения эрекция, которой он совершенно не стесняется, раз стоит в такой горделивой позе.

— Продажи — дерьмо, — низкий голос Арсения вибрирует гневом.

Почему он не сядет? Где его приличия?

— Но... — начинает пунцовая Дина, которая устроилась к нам месяц назад, — Долина Счастья очень проблемный жилой комплекс.

— Юр, — Арсений щурится на нее, — Влад. Долина Счастья теперь на вашей команде.

— Но мы не отказываемся от него, — неуверенно шепчет испуганный всклокоченный Виталик.

— Ух ты, — Арсений вскидывает бровь, — не отказываетесь? Вот это одолжение.

Юра и Влад с наносным энтузиазмом улыбаются, будто очень рады заняться Долиной Счастья.

— Если ребята Юры и Влада покажут за неделю продажи выше ваших в пять раз, то мы с вами распрощаемся. Мне тут филонщики не нужны, — Арсений скалится в недоброй улыбке. — Юра, Влад и их команда тоже в свое время продавали дешевое жилье.

— С эконом-классом даже легче, — Юра самодовольно потягивается.

Я отвожу взгляд от соблазнительного бугра под ширинкой Арсения и смотрю на свои ладони, сцепленные в замок. Че-

рез час у меня обед и мне важно до него дожить в здоровом уме и памяти. Я справлюсь.

Глава 7

Сегодня на обеде я закажу себе фруктовый салат и бельгийские вафли с шоколадом, а затем все это заполирую чашкой ягодного чая с брусникой. Мыслями о сладеньком я отвлекаюсь от Арсения. Раньше на совещаниях я просто на него злилась, а теперь в раздражение вплелось и смущение. Интересно, если бы я выпила еще пару бокальчиков шампанского, могла ли наша встреча закончиться грязной и отвратительной близостью в кабинке туалета?

Так. Закрываю глаза и представляю горячие пышные вафли и чашку ароматного чая. В моих фантазиях нет места Арсению и его глубокому низкому тембру, от которого бегут по плечам и спине мурашки. С каких это пор его голос так преобразился? Дашка, конечно, постоянно охала и ахала, что у нашего босса сексуальные интонации: о чем бы он ни говорил, она всегда была готова выпрыгнуть из трусов.

— Венера!

Вздрагиваю от властного окрика Арсения и растерянно смотрю на него.

— Ты еще с нами?

С правого плеча сползает лялочка топа, и я неторопливо без лишних движений ноготком возвращаю ее на место. Арсений внимательно наблюдает за мной, и я понимаю, что мой жест был слишком провокационным и откровенным, а

я этого не планировала.

— С вами.

И ответ мой вышел тихим и каким-то томным, как у стервы-кокетки, что вознамерилась босса соблазнить в присутствии коллег. Дашка аж рот открыла, а я хочу спрятаться под стол, но вместо этого я улыбаюсь. И, видимо, улыбаюсь тоже не презрительно и уничижающе, раз Арсений удивленно скидывает бровь. Что со мной сегодня не так?

— Даша повтори, пожалуйста, для Венеры то, что я только что сказал, — я улавливаю в его голосе едва заметную хрипотцу, и он, наконец, садится за стол, нервно одернув полы пиджака, — а то она, похоже, отключилась от реальности.

— Будем запускать вторую кампанию по Долине Счастья, — бодро тараторит Даша, — отдельную для Влада и Юрия с новыми креативами с их рекомендациями.

Ах ты, черт подлый! Все-таки решил, что проблема не только в ленивых риелторах, но и в моей рекламе? Я не нуждаюсь в советах от твоих лизоблюдов. Делаю медленный вдох и отвечаю:

— Мне все предельно ясно, Арсений.

Я даже сама слышу, что мой ответ вышел тихим и соблазнительно вибрирующим, словно я приглашаю Арсения уединиться и переговорить детали новой рекламы тет-а-тет. Можно еще губу закусить, чтобы у Арсения не осталось сомнений, что я его всячески пытаюсь очаровать.

— Считайте это соревнованием, — он оглядывает при-

тихших риелторов Ивана, — если вы очнетесь и покажете хорошие результаты, то вы шагнете на новый уровень и у вас есть не иллюзорный шанс стать одними из лучших, а это большие деньги.

Дашка под столом легонько пинает меня по щиколотке. Недоуменно гляжу на нее, и она красноречиво распахивает ресницы, на что-то явно намекая. Я уже боюсь, что у меня случайно вторая лямка сползла и оголила грудь, но Даша раскрывает губы, без звука проговаривая “премия”, и очаровательно улыбается замолкшему Арсению, будто ничего и не делала.

— Опять обсуждаете рабочие моменты? — спрашивает он и почему-то смотрит на меня.

— Да, — я киваю. — Для новой рекламы нужны свежие креативы от дизайнеров. Вот уже обдумываем...

— С нами только не забудьте согласовать, — чванливо заявляет Влад. — Ага?

— Конечно, — воркует Дашка и опять пинает меня под столом.

Деловая такая. Она у нас глава отдела, и ей положено выбивать премию, а не мне. Я рядовой маркетолог, на которого она скинула Долину Счастья и сидит довольная. Это же мне придется дергать дизайнеров и прочих сотрудников, чтобы они мне подготовили материалы для рекламы.

— Тогда свободны.

Риелторы синхронно встают, а Дашка, сучка пронырли-

вая, громко так и требовательно чеканит:

— А у Венеры есть к вам разговор, Арсений.

— Тогда пусть Венера останется, — тот милостиво кивает.

— Что? — охаю я, намереваясь встать, но Дашка подскакивает и давит мне на плечи.

— Ей нужно обсудить с вами очень важный вопрос, — улыбается и шустро так выбегает за остальными коллегами.

Я оглядываюсь на дверь, которую она с тихим щелчком закрывает, и нервно сглатываю. Подставила! Как она могла? Вот и доверяй после этого коллегам.

— Ну? — тихо шуршит Арсений, и я чувствую, как с плеча опять спадает ляпка топа.

— Я не считаю необходимым запускать вторую кампанию, — отвечаю я, и в этот раз во мне прорезался голос надменной суки, у которой игриво оголено плечо.

— А я считаю, что необходимо.

— Старт нынешней рекламы занял около двух недель, Арсений, — категорично заявляю я. — Качественные креативы не берутся из воздуха. Это же не просто взять картинки из интернета и вклеить в текст. Надо задействовать фотографов, видеомейкеров, ведь те визуалы, что предоставил застройщик...

Он пялится на мою грудь, и не слушает меня. Соски от его внимания наливаются кровью, я прям чувствую, как они набухают и натягивают тонкий шелк.

— Вы меня слушаете? — сдавленно уточняю я и возвращаю лямку на плечо.

— Очень внимательно, — он мельком глядит на лицо и вновь опускает взор. — Продолжай, Венера.

— Вы смотрите на мою грудь, — сжимаю кулаки и поскрипываю зубами.

— Верно, но разве ты не специально надела такой откровенный топ? — спокойно говорит Арсений, но глаза его горят возбуждением. — И я тебе делаю замечание. Пусть у нас нет строгого дресс-кода, но...

— Да что вы себе позволяете?! — я поднимаюсь из-за стола.

Слишком резко встаю. Грудь моя подскакивает, лямки предательски спадают с плеч, и топ сползает слишком низко, почти до самых ареол.

— Пара дней на подготовку рекламы, — Арсений с улыбкой откидывается назад и поднимает взгляд, — и у тебя лямочки сползли.

— Я знаю, — боюсь пошевелиться, потому что от одного неловкого движения топ может съехать еще ниже на радость боссу. — Вы бы не могли выйти?

— Зачем мне выходить?

С пискотворением отвернуться, чтобы прикрыть грудь скользким шелком, и выбежать? Мне не нравится. Я же не школьница, чтобы сейчас в стыдливом румянце съежиться и удовлетворить чувство власти дерзкого босса. Пока я размышляю над

тем, что мне предпринять в неловкой ситуации с почти голой грудью, Арсений встает и подходит ко мне вплотную.

— Вот так, — подцепив лямки кончиками пальцев и коснувшись кожи, возвращает их на плечи. — И где твой пиджак, Венера?

Я забываю, как дышать, и тону в серых глазах. Вдыхаю выдох Арсения и шепчу:

— В кабинете.

— И зачем же ты его сняла? — он тоже понижает голос до интимного шелеста.

— У нас кондиционер сломался. Душно в кабинете, — пальцы дрожат, и горячая кровь приливает к промежности, а остального тела я не чувствую. — Сняла и забыла. Прошу прощения.

— О, не стоит, — Арсений улыбается уголками губ. — Я оценил твои старания по достоинству.

— Глупости какие. Вот мне делать нечего, как для вас стараться, — шепчу злые слова и пячусь к двери. — Во всем виноваты кондиционер и похмелье. И вы мне не интересны.

— Да неужели? — он вновь опускает взор на мою грудь. — Слова, может, и лгут, но не твое тело.

— Ткань натирает, и попрошу руки свои не распускать, — шиплю пристыженной коброй и выскакиваю из переговорной. — Проклятье!

Бегу мимо столов, и залетаю в кабинет, разъяренной медведицей уставившись на Дашку, которая выглядывает из-за

монитора:

— Ну, премию обещал?

Я молча разворачиваюсь к зеркалу в углу у кованой вешалки и в ужасе прижимаю ладони к щекам. Соски не просто торчат, они будто готовы прорвать шелк.

— Какая стыдоба, — обреченно стону я. — Какой позор!

Придавливаю соски пальцами, и Аня выкатывается из-за стола и подбадривающе щебечет:

— Есть специальные наклейки на соски. Кругленькие такие.

— Да ты что... — я закрываю я глаза и сокрушенно качаю головой. — Но они мне уже не помогут.

— А есть наклейки, которые наоборот имитируют торчащие соски, — весело продолжает Аня и щелкает ручкой. — Они могут быть еще цветными. Я видела ярко-салатовые и в темноте светятся.

И смеется:

— И я их купила! Реально светятся, девки! Уссаться можно. Я на свиданку с одним из тиндера сходила и забыла, что у меня эти соски приклеены, — она хрюкает от смеха и сипит, — дело идет к тому самому, а этот дурак свет выключает. Я майку снимаю, и он как завизжит...

— Прямо визжал? — недоверчиво уточняет Дашка.

— Да, — Аня кивает и утирает слезы с щек, — чувствительный мальчик попался. Художник.

— У вас кондер сломался? — в кабинет без приветствий

сваливается усатый мужик в синей робе и с ящиком инструментов.

— Нет, — Дашка удивленно хлопает ресницами. — Работает.

— А чего мне сказали, что не работает? — он подхватывает с тумбы пульт и встает под кондиционер. — Так.

Нажимает кнопки, шевелит усами, подставив лицо под потоки воздуха, и фыркает:

— Работает же! — а затем с бурчанием выходит и хлопает дверью. — Дергают и почему зря!

Накидываю пиджак и сажусь за стол, в отчаянии нырнув лицом в ладони. Арсений теперь будет в курсе, что кондиционер у нас работает и решит, что я разделась, чтобы его впечатлить.

— Нам премии ждать или нет?

— У нас два дня, чтобы подготовить старт рекламы, — жалобно всхлипываю я, — и нет. Премии не будет.

— То есть он просто так тебя за соски подергал? — возмущенно охает Дашка. — Подлец!

Я поднимаю на нее взгляд, и она слабо и неловко улыбается:

— Я пошутила.

— За такие шутки, Даша, может и прилететь степлером в лоб, — я медленно проговариваю каждое слово, и Аня убирает степлер с моего стола к себе в ящик.

— Остынь, тигрица.

— Ясно, — Дашка закатывает глаза и прячется за монитором, — вернулась наша надменная стерва.

Глава 8

Мы договорились с Анфисой встретиться в небольшом кафе через пару кварталов от моей работы. Я влетаю в двери и буквально бегу к столику, за которым скучает сестра:

— Прости! Опоздала! Я с дизайнерами завозила, — тараторю и обнимаю Анфису. — День сегодня просто безумный.

Говорят, что мы с сестрой похожи, но у нее волосы темнее и она пониже ростом, а еще она замужем за эндокринологом, работает учительницей русского языка и вообще большая умница. Муж мне ее, правда, не нравится. Степан слишком безынициативный и все никак не даст Анфиске то, чего она так давно желает. Отказывается заводить детей, потому что грезит переездом в Европу, поэтому вопрос беременности отложен до лучших времен.

Ем я свой фруктовый салат, жалею, что вчера была на сомнительном корпоративе, и сетую, что придется искать новую работу, умалчивая о конкретных причинах увольнения. Мне стыдно говорить, что Арсений проявил ко мне интерес в туалете, а потом ко всему прочему и ночью напisyвал. Оправдываюсь перед молчаливой Анфисой, что не вижу перспектив и надо искать местечко потеплее.

— А ты чего такая мрачная? — замираю с кусочком банана на вилке у рта, наконец, заметив, что Анфиса сидит пе-

редо мной бледная и очень грустная.

Какая я эгоистка. Думаю только о себе! Откладываю вилку и хмурюсь.

— Я болею, Вень, — сдавленно сипит Анфиса.

— Чем? Простыла? — с тихой надеждой спрашиваю я. — Грипп?

Вряд ли Анфиса стала бы просить о встрече из-за гриппа. Она лезет в сумку и дрожащей рукой выкладывает на стол ворох бумаг.

— Все серьезно, да? — шепчу я и сглатываю приторно-сладкую слюну.

Яркие стены кафе давят, а гул и неразборчивые разговоры посетителей путают мысли. Я тянусь к бумагам и невидящим взглядом перебираю их. Анализы, заключения врачей, в которых я ни слова не понимаю, но резкие подписи меня пугают до онемения. На астроцитоме у меня перехватывает дыхание, и все плывет перед глазами мутными пятнами. Я без понятия, что это, но понимаю: дело — дрянь.

— У меня в последнее время голова жутко болит, — едва слышно скулит Анфиса и прячет бумаги в сумку, — тошнота, вялость, сонливость...

— Что говорят врачи? — я вздрагиваю в холодном ознобе и присасываюсь к чашке с чаем, но меня продолжает мутить и липкий ужас не отступает.

— Нужна операция... — Анфиса криво улыбается и опускает взгляд. — Есть шанс вырезать ее без последствий, но

у меня нет времени ждать очереди, да и сказали, что у нас тут нейрохирургов таких умелых нет. Только в Израиле или Германии.

Я вслушиваюсь в голос Анфисы и улавливаю лишь то, что все будет плохо, если сейчас упустить момент, когда еще можно уничтожить в ее мозгу опухоль.

— А откуда у нас со Степаном такие деньги? — Анфиса поднимает глаза.

— А сколько надо?

— Сто двадцать тысяч, — в тихом отчаянии смеется она. — Долларов, Вень. Не рублей.

— У меня есть триста тысяч рублей. Это около пяти, да? — я прижимаю пальцы к вискам, пытаюсь сосредоточиться.

— У нас тоже около того. Его родители сказали, что у них есть три тысячи, а у наших...

— А у наших ничего, — закрываю глаза.

Наши мама и папа предпочитают тратить все деньги на спиртное. Когда я училась в старшей школе, они совсем ушли вразнос, и Анфиса меня забрала из дома в студенческое общежитие, благо она была помощницей коменданта и активисткой и смогла уговорить на год меня пустить пожить на свободной койке в ее комнате.

— В банке сказали, что одобряют кредит на пятьсот тысяч рублей, — Анфиса кривится и прячет лицо в ладонях, — и все равно еще нужно около ста кусков баксов.

— Я тоже возьму кредит.

— Много не дадут, — Анфиса печально усмехается. — Да и я тебя хотела увидеть не для того, чтобы деньги простить, Вень. Мне просто дерьмово сейчас.

Я беру ее за руку и крепко сжимаю холодные пальцы:

— Мы что-нибудь придумаем. Люди сборы организуют и мы...

— А если не выгорит? И не выгорит, Вень. Я бездетная женщина, не мать, не ребенок, и меня не так будет жаль. Понимаешь?

— Мы... — меня накрывает паникой, и я всхлипываю, — придумаем что-нибудь... найдем деньги...

Анфиса вскакивает и убегает в уборную в слезах, закрыв лицо руками. Можно потрясти немногочисленных родственников, вынудить родителей продать квартиру в старой страшной хрущевке, поплакаться знакомым и обратиться в какой-нибудь фонд. Я даже подумываю ограбить банк, охваченная истерикой и холодной дрожью. У меня кроме Анфисы никого нет, и я не могу ее потерять.

— Прости, — она возвращается за стол через пять минут и промакивает опухшие красные глаза салфеткой. — Все будет хорошо. Я встану на квоту и если повезет, то прооперируют через полгода... И, может, врачи у нас не такие плохие, да?

Она улыбается, а у меня от ее улыбки текут слезы по щекам. Как же так? Еще час назад для меня катастрофой был сползший топ, а сейчас за спиной Анфисы машет рукой кост-

лявая.

— Давай сменим тему, — она подливает мне чай и с наигранной беззаботностью подмигивает. — Я еще всех переживу.

— Анфисаа-аа-ааа, — вою я в ладони.

— Мне не стоило тебе говорить, — обреченно и извиняюще шепчет она. — Прости, я не хотела...

— Пошли в банк! — я решительно встаю и утираю слезы. — Деньги переведу и кредит оформлю.

— Вень...

— Встала и пошли! Если не на Израиль соберем, то на взятки, чтобы квоту подвинули, — я поднимаю руку, подзывая официанта, — счет, пожалуйста.

Он с готовностью кивает и скрывается за стойкой. Не буду слюни и сопли распускать, они никак не помогут бороться с астроцитомой, что разъедает мозг моей сестры.

— Взятки? — охает Анфиса.

— А что? Да и палата приличная будет стоить денег, — я подхватываю сумку со стула и твердо смотрю в серое лицо сестры, — а еще врачам, медсестрам накинуть. Ой ладно тебе глаза такие круглые делать.

— Вень...

Шагаю к стойке и расплачиваюсь за обед, закусив кончик языка до боли. Я должна быть сильной и смелой, потому что сейчас именно такой человек нужен Анфисе. Не младшая и плаксивая сестра, а крепкое плечо, на которое можно опе-

реться.

— Вам не понравился салат? — спрашивает официант и мило улыбается, пробивая чек. — Вы его недоели.

— С ним все в порядке, а вот с жизнью — не совсем, — прячу портмоне в сумку и застегиваю молнию непослушными пальцами, — но мы прорвемся. Обязательно прорвемся, ведь выбора у нас нет.

У дверей я оглядываюсь на Анфису, которая сидит за столом и не встает, роняя в тарелку с недоеденной жареной курицей слезы.

— Пошли, — я протягиваю руку и ласково улыбаюсь. — Я с тобой. Я рядом.

Анфиса хватает салфетки и вяло шагает ко мне, и мне страшно, что именно сейчас она возьмет и умрет, поэтому я ее крепко обнимаю, чтобы убедиться, что она еще тут и со мной. Люди на нас косят взгляды, и мне хочется накричать на них, чтобы избавиться от напряжения и страха перед будущим.

— Вень...

— Все, пошли, — стискиваю ее запястье и тяну за собой. — Не раскисай. Поплакали и хватит.

— Вень... — Анфиса опять всхлипывает, и я вновь душу в объятиях, чтобы она почувствовала мое присутствие и решительность бороться вместе с ней.

Рыдает, уткнувшись сопливым носом в шею, а я ее еще крепче обнимаю, вкладывая в руки любовь и всю смелость,

что у меня есть.

— Вень, прости...

Анфиса такая худенькая, хрупкая и беззащитная. Что она чувствовала, когда бегала по врачам и сдавала анализы? Почему раньше мне не сказала? Я бы вместе с ней прошла через этот ад и держала бы за руку, как она меня, когда я подавала документы в университет и боялась экзаменов.

— Вень, ты меня раздавишь...

— У тебя есть я, а у меня есть ты, — отпрянув заглядываю в заплаканные глаза, — и так будет всегда.

Воет что-то нечленораздельное и я тащу ее вверх по улице мимо удивленных прохожих, которые уступают нам дорогу. И день сегодня такой солнечный и теплый, а ведь именно дождь, слякоть и тяжелые тучи были бы сейчас очень кстати. Да, я внезапно злюсь на чистое небо, яркое и приветливое солнышко и ласковый ветерок, что лижет щеки и шею.

— Девочки, а чего мы такие грустные? — грязный бродяга на углу улыбается беззубым ртом и поднимает жестяную банку, будто чокается с невидимым товарищем. — Такие красивые и такие печальные!

Бегло смотрю в его красное и опухшее лицо, и он в испуге отступает, всплеснув руками и громко икнув:

— Понял, вы дамы серьезные и комплиментов от джентльменов не принимаете. Пардон.

Глава 9

Деньги Анфиске, всхлипывающей в уголке у банкоматов, перевести перевела, а кредит отказали дать. Сказали, паспорта одного недостаточно, а я как бы знала, что надо и справку с работы принести и другие документы, но я мыслить здраво сейчас не в состоянии. Убеждаю консультанта, что деньги очень нужны и желательно побольше, а он мне про бумажки и залоговые обязательства вещает, если я хочу взять крупный кредит.

— Но мне надо! — требовательно и громко заявляю я.

— Понимаю... — он поправляет очки на переносице.

— Вень, идем... — Анфиса тянет меня за руку.

— Я еще вернусь, — воинственно говорю я консультанту, и он бледнеет. — Вот прямо к вам приду за кредитом.

— Буду ждать, — испуганно отвечает он и прячет руки под столом.

— Вот и жди.

На крыльце банка я сердито оправляю пиджак, собираю волосы в пучок на макушке и упираю руки в боки, глядя вдаль. Теперь надо собрать документы и порешать вопрос с кредитом.

— Вень, ты повремени с кредитом, — шепчет Анфиса.

— Нет у нас времени, — сдуваю локон со лба.

— Вень... — пищит она и касается моей ладони.

— Так, не раскисай, ага? — я заглядываю ей в глаза. — Медицина шагнула далеко вперед и даже у нас.

Через пять минут я сажу Анфиску на автобус. Она опять плачет, что-то бормочет и жалобно всхлипывает при прощании. Да, она расклеилась, и я ее прежде такой никогда не видела, но у нее уважительная причина для того, чтобы побыть испуганной и слабой женщиной.

Смотрю вслед уезжающему автобусу, медленно вдыхаю и выдыхаю, а затем делаю несколько уверенных шагов. Работу никто не отменял, пусть мир и дал серьезную трещину, и я буду верить, что я смогу ее залатать и скрепить стальными канатами.

Громкий сигнал позади, и я вскрикиваю. Прижимаю ладони ко рту и замираю. Прохожие косятся на меня, как на умалишенную, а на обочине дороги притормаживает черный и хищный джип.

— Венера! — раздается недовольный и громкий голос Арсения и меня охватывает дрожь. — Садись, подкину до офиса.

Да как же он не вовремя! Я планировала эти двадцать минут пешей прогулки потратить на размышления и обдумывание дальнейших шагов в ситуации с Анфисой.

— Венера!

Я поворачиваю лицо на голос, и на водительском сидении в глубине салона жует жвачку Арсений, с ожиданием вскинув бровь. Я неуверенно качаю головой.

— Садись.

Прохожие уже не косятся, а откровенно пялятся на меня. Низенький и тощий старичок даже остановился и с интересом наблюдает за происходящим. Мне неловко и почему-то стыдно, хотя ничего противозаконного и заслуживающего порицания не делаю.

— Венера!

Я подхожу твердым шагом к машине и сердито заглядываю в салон:

— Спасибо, но я сама.

— Тогда ты опоздаешь, — Арсений смотрит на наручные часы, отдернув рукав пиджака, а затем переводит насмешливый взор на меня, — и мне, что, тебе выговор делать?

Я бы могла сейчас оправдаться, что у меня сестра болеет и что я была в банке, но не стану унижаться перед Арсением.

— Вы хоть думаете, как будет выглядеть, если вы меня подвезете до офиса и я выйду из вашей машины? — тихо спрашиваю я.

— И как же это будет выглядеть? — он недоуменно изгибает бровь и нетерпеливо стучит холеными пальцами по баранке руля.

— Подозрительно, — зло шепчу я.

Арсений смеется, и у меня незамедлительно слабеют ноги. Это не гогот, не ржание, а легкий и беззаботный смех.

— Почему подозрительно?

— Слухи всякие поползут, — цежу сквозь зубы, чтобы

скрыть смущение.

— А тебя так сильно волнуют сплетни, Венера? — Арсений изучающе взирает на меня.

А кого они не волнуют? Вот Аня и и Дашка уверены, что я отдалась боссу в туалете и сбежала с корпоратива, потому что испугалась его большого члена, а если сегодня увидят, как я из его машины выхожу, то... Даже думать не хочу.

— Обычно сплетни волнуют тех, кому есть, что скрывать и чего стесняться, — поучительным тоном заявляет Арсений и затем повышает голос до строгой команды. — Садись! Лишу премии за опоздание!

Расстеряно ойкаяю, тороливо открываю дверцу и ныряю в машину, а когда она трогается с места с приятным шуршанием шин, я возмущенно смотрю на смеющегося Арсения:

— Что? Как?

Я действительно не поняла, как я оказалась в машине, подчинившись грозным вибрациям голоса Арсения. Я реально его испугалась.

— Важно подгадать момент, — он торжествующе ухмыляется.

— Остановите машину! — сердито гаркнув я, смотрю на него.

— Нет, со мной не сработает, Венера, — он косит на меня злорадный взгляд. — Со мной надо иначе.

— И как же?

— Ласково, — он обнажает зубы в оскале, который никак

не назовешь улыбкой. — Попробуй.

— Мне не нравится этот разговор, — сипло отвечаю я.

— Ты совсем не стараешься, — задумчиво жует жвачку, — но я уверен, что ты умеешь быть с мужчинами ласковой кошечкой.

У меня спирает дыхание от слов Арсения и жжет затылок праведным гневом. Что это еще за намеки о кошечках и каких-то мужчинах?

— Мне вам тут помурлыкать, что ли?

— Я бы был не против, — он медленно проворачивает руль, цепко и внимательно глядя на дорогу. — Я жду.

— Вы серьезно? — обескураженно выдыхаю я.

— А что не так-то? Сама предложила.

— А, может, вы мне тут помурчите? — рывкаю я и замолкаю, понимая, что перехожу грань субординации между подчиненной и боссом.

— Мур? — бархатно отзывается Арсений, и по телу прокатывается волна дрожи и онемения от его приглушенного урчания, который мог издать только сытый тигр.

Я не чувствую ни ног, ни рук, только низ живота, что полон сладкого теплого меда. Вот так помурчал, что у меня аж голова закружилась.

— Твоя очередь.

— Мур, — хрипло и загипнотизированно отвечаю я.

— Неплохо, — кивает Арсений, и машина тормозит на перекрестке. — Вышло с тихим обещанием. И что же ты мне

обещаешь, Венера?

— Обещаю запустить вторую рекламу на Долину Счастья в срок и добиться хорошей конверсии, — едва слышно говорю я, глядя на людей, что идут по пешеходному переходу.

А на большее у меня не хватит смелости. Этот тигр за рулем, от которого пахнет солнцем, пряным сладким табаком и чуть-чуть ментолом, сожрет меня и костей не оставит. После он, конечно, помурчит.

— Нет, я уверен, что ты пообещала мне что-то другое, — качает головой Арсений.

— Нет. Только рекламу и не опаздывать, — сжимаю кулаки, так чтобы ногти впились в кожу и немного меня отрезвили. — И прекратите тут намекать на всякое.

— Да я тебе прямым текстом могу сказать, хочу тебя, — тембр Арсения понижается до сердитой хрипотцы.

Я в ужасе смотрю на его спокойный профиль, вцепившись в ремень безопасности:

— Это... аморально...

И звучит мой голос не возмущенно, не зло, а мягко и удивленно, будто я кокетничаю, а не пытаюсь пристыдить охамевшего в край босса.

— Я привык быть честным, — Арсений ухмыляется. — И тебе советую.

— Ваша честность — непозволительная роскошь. Я подчиненная, и вы...

— А я твой босс. Да, я в курсе, Венера, и тебя тоже заводит

эта ситуация.

— Ничего подобного! — взвизгиваю я.

— Я же не мальчик, чтобы не понять, когда женщина хочет, а когда нет. И ты хочешь, — он мельком смотрит на меня, — и в чем, собственно, проблема? И знаю, что у тебя давно мужика не было.

— Прекратите немедленно...

Залепить пощечину я сейчас не могу. Во-первых, потому что он сидит ко мне боком и будет неудобно нанести красивую и ловкую оплеуху, а, во-вторых, моя агрессия может привести к опасной ситуации на дороге. Не хватало для полного счастья врезаться в столб или кого-нибудь сбить.

Я отворачиваюсь от Арсения и принимаю твердое решение не вступать с ним больше в диалог, чтобы не провоцировать на новые глупости. Я в ловушке. У меня сейчас нет возможности уволиться со скандалом: я без накоплений и с больной сестрой, которой нужно дорогостоящее лечение. Кредит безработной женщине никто не даст.

— Я тебя понял, — зло говорит Арсений после нескольких минут гнетущего молчания. — Выполненная в срок работа и никаких опозданий.

— Именно, — я закусываю внутреннюю часть щеки, чтобы сосредоточиться на насущных проблемах, а не растекаться лужицей от хриплого и тихого голоса.

Когда машина паркуется на парковке у бизнес-центра, в котором разместился наш офис на двух последних этажах,

я выскакиваю из машины и торопливо бегу к крыльцу, чувствуя на спине тяжелый взгляд Арсения. Наверное, стоило его поблагодарить, но вдруг он и в моем “спасибо” услышит обещание, которого я не подразумевала.

Глава 10

Влетаю в кабинет, сажусь впопыхах за компьютер и сверяюсь со списком документов, которые нужны для кредита. Я была лишь в одном банке, но я могу посмотреть условия других и выяснить, где дадут больше и возьмут меньше процентов.

— Ты чего такая бледная? — спрашивает Аня, подкрашивая губы у зеркала алой помадой. — Щечки хоть подрумянь, а то как смерть белая.

— Я хочу взять кредит, — я в надежде выглядываю из-за монитора и смотрю на молчаливую Дашку, которая, вроде, недавно брала в долг у банка деньги то ли на крутой диван, то ли на телевизор. В общем, она в этой теме разбирается. — Где проценты ниже и условия помягче?

— А сколько хочешь взять и на что? — не отрываясь от монитора, уточняет она.

А затем она что-то быстро печатает на клавиатуре, я от каждого щелчка вздрагиваю.

— Мне надо сто тысяч...

Проговариваю цифру, и сама в ужасе. Да я в жизни не видела таких денег.

— Ну... — неуверенно тянет она и задумчиво жуёт губы.

— Долларов.

Даша выкатывается из-за стола и скрещивает руки на гру-

ди:

— Что случилось?

— Мне срочно нужны деньги. Желательно сто тысяч баксов, — жалобно попискиваю я и накрываю лицо холодными ладонями, — одна надежда найти чемодан денег или сумку со слитками золота.

— Вень, — робко шепчет Аня, разворачиваясь ко мне, — ты в беду попала? Да?

— Можно и так сказать, — я до боли кусаю обветренные губы.

Нервно дергаю под столом правым коленом, а к горлу подкатывает ком слез. Мне нельзя плакать.

— В банке тебе однозначно откажут в такой сумме. Потребительский дают максимум на двести пятьдесят тысяч рублей, и то требует поручителя, — Дашка сводит вместе брови и поджимает губы.

— Этого мало, — стискиваю и массирую переносицу.

— У Ареса попроси, — Анька с щелчком закрывает губную помаду и сердито подбоченивается. — У него точно есть такие бабки.

Ее предложение отзывается в руках мелкой дрожью паники. Да легче банк пойти ограбить.

— Ты с ума сошла? — я в страхе и разочаровании гляжу на нее.

— А что такого? — она пожимает плечами. — Я не знаю, что у тебя там случилось, но если нужны деньги, то надо все-

гда идти к тому, у кого они есть. Верно? Да и вы довольно в близких отношениях...

Опять двадцать пять. Я больше никогда и ни за что не буду ходить на корпоративы, а если попаду на очередное веселье, то не буду пить и ни под каким предлогом не загляну в туалет. Ни в женский, ни в мужской.

— Аня, — я зло выдыхаю, как разъяренный молодой бычок, — между мной и Аресом ничего не было.

Умолчу о нашем разговоре с Арсением в его машине и о том, как он вогнал меня в краску мурчанием.

— Даже если так, то все равно попроси, — она садится за стол и поправляет волосы. — в банке тебе откажут в большой сумме, а с Аресом можно и долговой договор заключить. У меня мама так деньги заняла у начальницы на отпуск.

— Да мне не на отпуск...

— Ясное дело, что не на отпуск, — глухо отзывается Дашка. — Ты не из тех, кто любит отдыхать и веселиться. Может, поделишься, что стряслось?

Зря я сказала о кредите Дашке и Ане, но они бы все равно о нем узнали от бухгалтеров, когда я бы к ним заглянула за справкой о доходах. Не хочу говорить, что сестра болеет, потому что не желаю видеть в глазах коллег жалость, да и сама Анфиса была бы против, чтобы я тут сидела и делилась о ее астроцитоме в мозгу.

— Не могу сказать.

— Ладно, — Дашка подкатывается обратно к столу, —

будем считать, что ты в казино проиграла.

— Венера не похожа на того, кто играет в казино, — Аня печально вздыхает и прячет губную помаду в черную косметичку, — бандитам задолжала. В казино бы ее не пустили.

— О да, — невесело хмыкает Дашка, — а вот на ту, кто с бандитами дружит, она очень похожа.

— Не дружит. Если бы дружила, то сейчас бы такая бледная и испуганная здесь не сидела, — Аня клацает мышкой и переводит взгляд с монитора на меня, — иди к Аресу. У него точно есть связи и если не денег даст, то отмажет от долгов.

— Нет, я не могу...

— Ты не в том положении, чтобы сейчас носом крутить, — Дашка качает головой. — Тебе пальцы, что ли, лишние?

— В каком смысле? — недоуменно охаю я.

— В таком, что отчищают тебе пальцы за долги-то, — хмурится Аня. — И скормят собакам.

— Вы, что, сериалов о мафиози пересмотрели? — я то злопаб ресницами то на Дашку, то на Аню.

Вот это у них фантазии насчет меня. То босс, то казино, то бандиты, которым я задолжала, но я бы тоже предпочла этот вариант, потому что он более справедлив, чем опухоль в мозгу любимой старшей сестры.

— А потом, — Дашка шуршит упаковкой печенья, — когда пальцы отчищают, нос отрежут.

— И тоже собакам скормят, — кивает Аня.

— Да что ты заладила с этими собаками? — Дашка хру-

стит печеньем и смахивает крошки со стола.

— Иди к Аресу, если пальцы и нос дороги, — Аня хлопает по колену рукой. — Или я сама пойду и скажу, что ты с мафиозниками связалась.

Я встаю и выскакиваю за дверь, не в силах больше слушать откровенные небылицы обо мне. Мимо столов, за которыми риелторы имитируют бурную деятельность, шагает Арсений. Нет, я не смогу к нему сейчас заявиться и попросить денег, но на кону стоит жизнь сестры. И если есть хоть одна десятая процента, что он займет мне, пусть и не сто тысяч, то я должна ею воспользоваться. К черту гордость, ведь я имела на нее право с утра, но не сейчас.

— Арсений, — окликаю я его и уверенно шагаю вперед.

Останавливается, недоуменно оглядывается и приподнимает бровь.

— Мне надо обсудить с вами один вопрос... по работе, — лгу я, потому что риелторы наострили уши. — По Долине Счастья.

— Я тебя слушаю.

— А... — я не ожидала, что он решит поговорить при подчиненных. — Я бы обсудила стратегию пока один на один.

Молча разворачивается и продолжает путь, а я не знаю, мне идти за ним или мне прозрачно намекнули, что не желают со мной наедине обсуждать рабочие вопросы.

— Так ты идешь или нет? — недовольно спрашивает Арсений, и я семеню за ним на носочках.

В приемной мне вновь приветливо кивает Вера, а в груди нарастает желание сбежать. Арсений распахивает дверь кабинета, пропускает вперед и бесшумно следует за мной. В нерешительности останавливаюсь в нескольких шагах от стола. Я должна быть смелой. Я тут не из-за капризов.

— Ну, говори, — он облакачивается о стол и внимательно смотрит в глаза, скрестив руки на груди.

— Нужны деньги, — едва слышно отвечаю я.

— Этот вопрос надо обсудить с Дарьей и финансовым отделом...

— Нет, мне... нужны деньги... — горло пересыхает, и я тяжело сглатываю, — на личные нужды... я хочу взять у вас в долг некоторую сумму...

Замолкаю, потому что я на грани обморока, но сесть в кресло не тороплюсь. Если встречать трудности, то на ногах.

— Сколько? — сухо уточняет Арсений.

— Сто тысяч, — я ежусь от озноба.

— Я так понимаю, не рублей? — хмыкает и щурится.

Из-за ста тысяч я бы не пришла сюда и не унижалась, тихо и испуганно попискивая каждое слово. И парфюм Арес с нотками табака и чего-то солнечного и теплого будет у меня ассоциироваться только с отчаянием.

— Да.

— На что?

— Не могу сказать.

Чувствую внутреннее сопротивление тому, чтобы рас-

крыть перед Арсением правду, и не знаю почему. Не хочу втягивать сестру, пусть она и главная причина того, что я стою посреди просторного кабинета с минималистичным интерьером и боюсь сделать вдох.

— Сумма, признаться, большая, — Арсений улыбается с толикой нескрываемого превосходства. — И как ты планируешь расплатиться со мной, если я соглашусь тебе помочь?

— Я готова написать расписку и... — у меня дрожат пальцы, и я сжимаю кулаки, чтобы скрыть от внимательного и цепкого взгляда свое волнение. — Я выплачу долг, не сразу, но...

— Выплатишь, — с тихой надменностью смеется и подходит ко мне вплотную, заглядывая в глаза, — но не деньгами. Они меня не интересуют.

Арсений наклоняется, и горячее дыхание обжигает ухо:

— Ты ведь понимаешь о чем я, моя милая Венера? — его пальцы касаются шеи. — Я тебе деньги, ты мне свое тело. Честная сделка.

До меня минуту доходит смысл сказанного, и я раскрываю рот и в ошеломлении издаю то ли всхлип, то ли клекот. А чего я ожидала после того, как Арсений в машине прямо и открыто сказал, что имеет на меня гнусные планы?

— Если согласна на условия, — Арсений пренебрежительно касается указательным пальцем кончика моего носа и спускается к губам, — то на колени и поработай ртом.

Глава 11

Я в недоумении смотрю в серые глаза, а затем мои брови ползут на лоб, когда я понимаю, что Арсений ждет от меня оральных ласк, и я шепчу:

— Нет. Не согласна, — голос дрожит отчаянием.

— Я вижу по глазам, Венера, что тебе очень нужны деньги, — он обнажает зубы в равнодушной улыбке. — И на эмоциях ты могла принять неверное решение.

Арсений шагает к двери и с щелчком ее запирает:

— Я дам тебе пять минут на вдумчивые размышления, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.